

ПО ПОВОДУ УВОЛЬНЕНИЯ

Г. КОНЮСА.

(Письмо къ издателю.)

М. Г.—Въ концѣ 1899 года вы были столь любезны, что дали мѣсто въ уважаемой вашей газетѣ письму моему, въ которомъ я опровергалъ ложный слухъ о моемъ добровольномъ уходѣ изъ числа преподавателей Московской Консерваторіи и утверждалъ, что былъ изъ нея просто уволенъ, и притомъ уволенъ безъ прошенія и безъ объясненія причинъ. Заявление мое вызвало тогда же рядъ писемъ (гг. Смоленскаго, Татѣева, Ушакова, Чайковскаго, Абрикосова, Лароша и Корещенко въ №№ 272, 274, 276, 277, 278, 280 и 285 Моск. Вѣд. 1899 г.), авторы которыхъ выразили какъ недоумѣніе по поводу моего увольненія, такъ и порицаніе той рѣзкой формѣ, въ которой оно было осуществлено. Учрежденія же, которые могли бы разъяснить причину моего увольненія, оставили ее не разъясненною, вслѣдствіе чего на мою долю выпала обязанность доискаться ея самому.

Въ настоящее время обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбой не отказать напечатать слѣдующее мое сообщеніе, которое, какъ мнѣ кажется, прольетъ, наконецъ, свѣтъ на оставшіяся невыясненными обстоятельства моего увольненія г. Сафоновымъ изъ Московской Консерваторіи. Сообщеніе это, по причинѣ ниже разъясненной, я былъ лишенъ возможности обнародовать раньше.

22 мая 1899 года нижепоименованные двѣнадцать профессоровъ и преподавателей Консерваторіи, снисходя къ высказанной имъ наканунѣ, 21 мая, г. Сафоновымъ просьбѣ „помочь“ ему, директору, уволить меня отъ службы, подали въ Дирекцію Московскаго Отдѣленія Музыкальнаго Общества—втайнѣ отъ меня и большинства преподающихъ—бумагу слѣдующаго содержанія:

„Въ Дирекцію Московскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества профессоровъ и преподавателей Московской Консерваторіи заявление.

„Многочисленныя оскорбительныя выходки личнаго характера со стороны преподавателя Консерваторіи г. Г. Конюса, по отношенію ко своимъ сослуживцамъ въ Консерваторіи, вынуждаютъ насъ, ниже подписавшихся, обратиться въ Дирекцію Московскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества, съ покорнѣйшею просьбой: оградить насъ на будущее время отъ такихъ отношеній, препятствующихъ намъ спокойно работать на пользу любимой нами Консерваторіи. Поселяемый г. Конюсомъ въ товарищеской средѣ раздоръ мы не желаемъ болѣе терпѣть и совместную службу съ г. Конюсомъ, при его настоящемъ поведеніи, находимъ невозможною, о чемъ почтительнѣйше имѣемъ честь довести до свѣдѣнія Дирекцію отдѣленія. Рѣшеніе обратиться съ нашею просьбой къ Дирекціи созрѣло уже давно, но мы не желали прерывать хода ученія и оставили свое намѣреніе до конца учебнаго года. И. Гржимали, Ан. Галли, Н. Шипкина, В. Зарудная-Иванова, Ан. Аврамова, М. Ипполитовъ-Ивановъ, Ф. Гедике, К. А. Кипль, А. Губертъ, А. Э. фонъ-Гленъ, Л. И. Бетингъ, Е. А. Лавровская.“

Обвиненія, взведенныя на меня въ этомъ заявленіи, и послужили, очевидно, причиной въ увольненію меня отъ службы, что подтверждаетъ слѣдующая выдержка изъ присланнаго мнѣ 12 ноября 1899 года изъ Петербурга, за подписью члена Главной Дирекціи, г. А. А. Герке, officialнаго объясненія причинъ моего увольненія:

На основаніи недавно полученныхъ мною officialно-засвидѣтельствованныхъ документовъ,—которые прилагаю для вашего, милостивый государь, свѣдѣнія,—нынѣ нахожусь въ возможности печатно заявить лицамъ подписавшимъ „заявленіе 22 мая“ и учрежденіямъ имъ воспользовавшимся для моего увольненія, что дѣянія, этимъ „заявленіемъ“ мнѣ приписываемыя, несогласны съ истинной и были вымышлены съ исключительною цѣлью создать отсутствующую причину для увольненія меня изъ Консерваторіи.

Противъ подписавшихъ „заявленіе“ гг.: Гржимали, Галли, Шипкина, Ипполитова - Иванова, Гедике, фонъ-Глена и гжѣ: Зарудной-Ивановой, Аврамовой, Губертъ и Лавровской,—якобы вытерпѣвшихъ отъ меня „многочисленныя оскорбительныя выходки личнаго характера“, — мною возбуждено въ законномъ порядкѣ уголовное преслѣдованіе за клевету по силѣ 1,535 ст. Уложенія о Наказаніяхъ.

Покорно прошу газеты, печатавшія прошлую анимой замѣтку о моемъ увольненіи изъ Консерваторіи, не отказаться перепечатать это мое сообщеніе.

ГЕОРГІЙ КОНЮСЪ.

Москва, 29 марта, 1901 г.

Обвиненія, взведенныя на меня въ этомъ заявленіи, и послужили, очевидно, *причиной* къ увольненію меня отъ службы, что подтверждаетъ слѣдующая выдержка изъ присланнаго мнѣ 12 ноября 1899 года изъ Петербурга, за подписью члена Главной Дирекціи, г. А. А. Герке, официального объясненія причинъ моего увольненія:

„Отношенія между вами, съ одной стороны, и директоромъ и многими профессорами и преподавателями — съ другой, такъ обострились, къ прискорбію, что дальнѣйшее пребываніе ваше въ Консерваторіи въ настоящее время сдѣлалось невозможнымъ.“

Несмотря на тайну, которою было облечено составленіе „заявленія 22 мая“, мнѣ тогда же стало извѣстно:

1) Что оно появилось „въ помощь г. Сафонову“ непосредственно вслѣдъ за моимъ, лично для него непріятнымъ, частнымъ письмомъ отъ 19 мая къ директорамъ Московскаго Отдѣленія Музыкальнаго Общества, въ каковомъ письмѣ содержались доказательства того, что г. Сафоновъ трижды давалъ имъ, директорамъ, невѣрные объясненія по касавшимся меня и моихъ классовъ вопросамъ.

2) Что для заполненія „заявленія“ подписями, ближайшіе сотрудники г. Сафонова прибѣгали къ разнообразнѣйшимъ средствамъ. Такъ, напри-
мѣръ: колебавшимся выставлялось на видъ, что если они не подпишутъ — „имъ же хуже будетъ“. Одинъ изъ подписавшихся профессоровъ признался, что его подпись на „заявленіи“ — есть плодъ „введенія его въ заблужденіе“ со стороны „начальства и товарищей“, а другой, — что „заявленіе“ подписано имъ „единственно изъ боязни, чтобъ его не исключили изъ Консерваторіи. Директоръ Консерваторіи, г. Сафоновъ, лично поощрялъ младшихъ преподавателей къ подписыванію „заявленія“, говоря, будто присутствіе мое въ Консерваторіи „служитъ препятствіемъ къ возведенію ихъ въ званіе старшихъ преподавателей“.

3) Что большая часть подписавшихъ „заявленіе“ въ позднѣйшихъ разговорахъ съ частными лицами и въ письмахъ къ директорамъ Музыкальнаго Общества — категорически отрицали правдивость того, подчѣмъ росписались въ „заявленіи“. Такъ, собственноручныя письма гг. фонъ-Глена, Бетинга и Киппа, въ которыхъ они пишутъ, что никогда, нигдѣ, никакихъ оскорбленій ни отъ меня, ни отъ кого-другаго они не терпѣли, были присланы поименованными лицами членамъ дирекціи гг. Абрикосову и Ушакову, въ отвѣтъ на ихъ запросъ.

Но, хотя все это, повторяю, давно было мнѣ извѣстно, я до сихъ поръ не могъ сослаться на эти свѣдѣнія, за неимѣніемъ доказательствъ, достаточно убѣдительныхъ для лицъ, въ подробности этого дѣла не посвящен-
ныхъ.